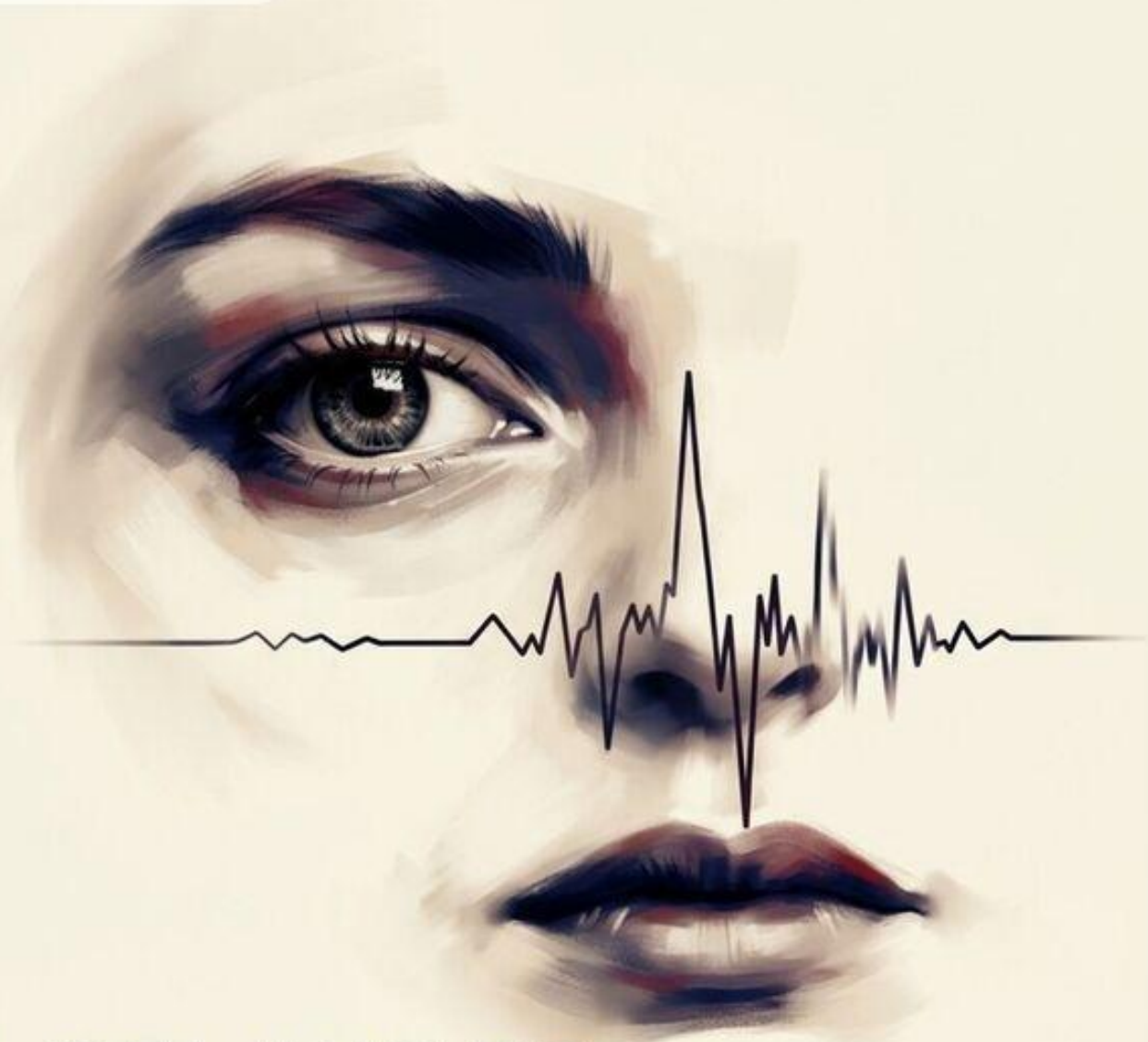

18+

Я слышала, как ты
ВРЁШЬ, даже когда
МОЛЧИШЬ

Глеб Северцев

Глеб Северцев

**Я слышала, как ты врёшь,
даже когда молчишь**

«Издательские решения»

Северцев Г.

Я слышала, как ты врёшь, даже когда молчишь / Г. Северцев —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Александра Черкасова — лучший профайлер
Следственного комитета. Она слышит фальшь в обмолвках, видит страх
в микромимике и читает душу по тому, как человек молчит. Но когда в городе
находят тело девушки, убитой по «почерку» давно казненного маньяка,
а подозреваемый — собственный муж Александры, её дар превращается
в проклятие. Она знает, что он лжет. Он не произносит ни слова. Молчание —
самая страшная ложь.

Содержание

Пролог. Тишина до грехопадения	6
Глава 1. Имитация	8
Глава 2. Отпечаток чужой души	11
Глава 3. Молчание мужа	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Я слышала, как ты врёшь, даже когда молчишь

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5001-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Тишина до грехопадения

Утро начинается с кофе. Не того бодрого, пенистого, что варят в кофейнях за двести рублей, — а терпкого, почти чёрного, заваренного в старой френч-прессе, которую Дмитрий привёз из Италии пять лет назад. Александра Черкасова, которую для близких и для коллег из Следственного комитета называют просто Саша, сидит на кухне с кружкой в руках и делает вид, что читает новости в телефоне. На самом деле она не читает. Она слушает.

Не ушами.

Она слушает молчание.

Муж стоит у окна спиной к ней. Свет ещё серый, ранний — московское утро в середине октября выдавливает из себя сумерки нехотя. Дмитрий держит кружку с остатками кофе. Его правая рука лежит на столешнице из искусственного камня — пальцы расслаблены, но средний палец постукивает раз в четыре секунды. Саша считает: один-два-три-четыре — стук. Это ритм беспокойства, почти детский, как у школьника перед контрольной. Дмитрий Корсаков, архитектор по образованию, мужчина с лицом, которое на первый взгляд кажется невозмутимым, на самом деле сейчас выдает тревогу так явно, будто она написана у него на лбу флуоресцентной краской.

Но самое важное происходит не в руке. Не в постукивании.

Саша переводит взгляд на его лицо. Дмитрий поворачивается, коротко смотрит на неё и тут же отводит глаза. Улыбается — верхней губой, без участия глаз. «Социальная улыбка, — отмечает Саша автоматически, — продолжительность две целых две десятых секунды, асимметрия на три миллиметра в левую сторону». Она не нарочно считает всё это. Это как дышать. Профессиональная деформация, которая спасала жизни и разрушала отношения.

И тут — главное.

Его левая ноздря дрожит. Это не полное сокращение мышцы, не наморщивание носа. Это микро-тремор, продолжительностью ровно десятую долю секунды. В норме такой тик появляется при сильном эмоциональном напряжении либо когда человек лжёт, но еще не придумал, как именно. Саша знает сто три способа распознать ложь, и трепетание крыльев носа стоит в списке под номером семь. Она ведет внутренний протокол наблюдения. Он у неё в голове, строгий, как оперативная сводка.

«Объект наблюдения: Дмитрий Корсаков, 1979 года рождения. Срок знакомства: двенадцать лет. Брак зарегистрирован: восемь лет. Признаки? Тревога — да. Частота сердечных сокращений — вероятно, учащена (покраснение мочек ушей на одну целую пять десятых секунды). Зрительный контакт — избегает. Мимика — неконгруэнтна. Оценка: девяносто процентов вероятности того, что объект скрывает информацию. Предположительный объём сокрытия — значительный».

А вслух Саша говорит совершенно другое:

— Ты сегодня поздно вчера пришёл. Я не слышала, как ты закрывал дверь.

Дмитрий пожимает плечами. Это движение — небрежное, с лёгким подъёмом бровей — должно выглядеть расслабленным, но Саша видит, как напряглась трапецевидная мышца. Он делает плоток кофе и говорит:

— Работа. Макет по Бульварному кольцу. Заказчик хотел видеть три варианта освещения.

Его голос — ровный, чуть с хрипотцой, тот самый голос, каким он читал ей на ночь стихи Ахматовой в первый год их брака. Но сейчас Саша слышит другое. Пауза между «заказчик» и «хотел» длится одну целую две десятых секунды вместо привычных ноля целых семи десятых. Он подбирал слово. Не «просил», не «требовал», а именно «хотел» — потому что слово «хотел» менее конфликтно, оно не требует доказательств.

«Великолепно, — с горечью думает Саша. — Мой муж врёт мне при завтраке. И даже не словами — он врёт молчанием».

Она не задает вопрос «а почему ты тогда не ответил на сообщение в мессенджере, когда я написала тебе в одиннадцать вечера?». Не задает, потому что знает ответ: в мессенджере было проставлено «прочитано», но ответа не последовало. Дмитрий не мог не видеть. Он предпочёл не отвечать. Молчание — это тоже коммуникация. И иногда молчание говорит громче самых отчаянных криков.

Саша ставит чашку в мойку, поворачивается к мужу спиной. За этим поворотом — не холодность, а невозможность смотреть на человека, чью ложь она чувствует кожей. Она — профайлер с четырнадцатилетним стажем, начинала в патрульно-постовой службе, потом училась в Москве у ветеранов оперативно-розыскной деятельности, стажировалась в американском Куантико (этот факт она не афиширует, слишком много завистников), разрабатывала профили для трёх десятков серийных убийц. Она с закрытыми глазами может отличить ложь стыда от лжи страха. И сейчас, за завтраком, она слышит от мужа ложь такого сорта, который обычно сопровождает либо измену, либо преступление.

Третьего не дано.

«Ты хочешь что-то сказать, но не говоришь уже три дня», — думает Саша, входя в душ.

Дмитрий тем временем выходит из кухни. Его шаги слышны по коридору — он ступает с пятки на носок, но очень медленно, как человек, который боится споткнуться. Или который боится, что его остановят.

Он молчит.

Александра Черкасова, эксперт по лжи высшей категории, стоит под струями горячей воды и понимает одну страшную вещь: она знает, что Дмитрий врёт. Но она не знает — о чём. И это отсутствие знания сейчас страшнее, чем любая правда, которую можно было бы услышать.

За окном моросящий октябрьский дождь прорисовывает на стекле узоры, похожие на паутину. Или на рыболовную леску.

Через три часа тело первой жертвы найдут в промзоне.

Глава 1. Имитация

Следственный комитет Российской Федерации по Центральному административному округу встречает Сашу запахом перекиси водорода и холодного кофе. Она заходит в дежурку в одиннадцать ноль-ноль, но дежурка пуста — только дежурный сержант дремлет над рацией. Это плохой знак. Если все оперативники на выезде в такое время, значит, случилось что-то из ряда вон.

Или кто-то.

— Черкасова, — голос начальника отдела полковника Знаменского гремит из динамика внутренней связи. — Зайди.

Знаменский — старый служака, с таким лицом, будто его вырезали из гранита и забыли отполировать. Он не любит Сашу. Вернее, не так: он уважает её профессионализм, но боится её глаз. Ему, ветерану чеченских, неловко от того, что эта тридцативосьмилетняя женщина с вечно убранными в пучок волосами может прочесть его душу по одному движению брови.

— Вчерашний вызов, — Знаменский кидает на стол тонкую пластиковую папку. — Промзона за Третьим транспортным кольцом. Женщина, примерно двадцать три года. Опознание затруднено.

— Состояние тела?

— Пролежала минимум двенадцать часов. Нашел бездомный, который зашёл погреться в недостроенном здании.

Знаменский мнется. Это заметно — он перекладывает ручку с правой руки в левую, потом обратно. Саша ждёт. Она умеет ждать. В её работе терпение — важнее пистолета.

— Способ убийства, — наконец произносит полковник, — повторяет старую историю. Тот самый, из девяностых. «Фантом».

Саша не вздрагивает. Но где-то внутри неё — в районе солнечного сплетения — что-то ёкает. Она помнит дело «Фантома». Все помнят. Потому что «Фантом» — это псевдоним, который оперативники дали убийце за его способность исчезать с мест преступлений, не оставляя отпечатков, не роняя волос, не проливая собственной крови.

— Фантом мёртв, — ровно говорит Саша. — Расстрелян по приговору суда в две тысячи двенадцатом. Я присутствовала на процедуре идентификации тела.

— Знаю. — Знаменский наконец поднимает на неё глаза. — Поэтому посмотришь сама. Это копия. Но копия хорошая. Идеальная. До миллиметра.

Промзона за кольцевой — это даже не промзона, а её остов: заброшенные цеха, проржавевшие крыши, бетонные коробки с выбитыми стёклами. Саша выходит из служебной машины, и ветер тут же треплет её форменную куртку. Пахнет мазутом, сыростью и ещё чем-то сладковато-тошнотворным — запахом, который невозможно спутать ни с чем другим: разложение, смешанное с химическими реагентами.

Она переступает через ленту оцепления. На ней нет идентификационного знака профайлера — только жетон. Оперативники на месте коротают время в своих машинах, посматривают на неё с любопытством и опаской. Они знают, кто она. Они слышали историю о том, как Черкасова по почерку написания анонимного письма вычислила заказчика убийства судьи.

Саша подходит к телу.

Девушка лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела, ноги сведены вместе — как солдатик. Поза неестественная. В смерти люди не лежат симметрично, их позы — это результат падения, агонии, релаксации мышц. Но эту девушку положили. Аккуратно. Почти нежно.

И ключицы.

Саша надевает перчатки, наклоняется. На месте левой ключицы — разрез. Глубокий, хирургически ровный. И следы от шва: леска. Именно леска — не нить, не шёлк, а обычная

рыболовная леска диаметром ноль целых две десятых миллиметра. Тот же материал, те же узлы — двойные, как на гитаре.

— Леска? — переспрашивает она у эксперта, который возится с лупой.

— Да, — тот пожимает плечами. — Дактилоскопии — ноль. Биоматериалов под ногтями не обнаружено. Жертву не насиловали, следов борьбы нет, алкоголь и наркотики в крови — в пределах статистической погрешности.

— От чего умерла?

— Остановка сердца. Предположительно — от болевого шока. Но мы не уверены.

Саша отходит на три шага назад. Она смотрит на тело, потом на помещение. Недостроенное здание: голые стены, пыльный бетонный пол, остатки строительного мусора в углу. Идеальное место для того, чтобы оставить тело. Не спрятать, а именно оставить — как экспонат в музее.

Среди строительного мусора — окурки. «Мальборо», красные. Их три штуки. Они находятся в метре от тела, в пыли, и на них отчётливые следы губ. Она подзывает эксперта:

— Отберите окурки. И проверьте слюну. Возможно, убийца курил, ожидая, пока жертва умрёт.

Но главное она замечает, когда смотрит на потолок. Над телом — штукатурка обрушена не естественно. Кто-то специально сбил её в форме неровного круга. Точно так же в старом деле «Фантома» на месте девятой жертвы было кольцо из обрушенной штукатурки — полиция тогда сочла это случайностью. Саша тогда читала материалы и сделала пометку на полях: «Ритуал. Контроль над пространством».

Здесь повторили и ритуал с потолком.

— Это не копия, — шепчет Саша так тихо, что эксперт не слышит. — Это дань уважения. Или — учебное пособие.

Вечером Саша сидит в своём кабинете с закрытыми жалюзи. Она разложила на столе два дела: старые материалы по «Фантому» (дело номер 131/03) и сегодняшние снимки. Сравнивает. Лицо её спокойно, но внутри — мелкая дрожь, которую не унять ни кофе, ни сигаретой.

Она замечает детали, которых не заметят другие.

У «Фантома» разрезы были неровными. Он спешил. Боялся, что его застанут. Экспертиза тогда показала, что убийца не имел медицинского образования — он резал интуитивно, но с каждым разом всё лучше. Сегодняшний разрез сделан идеально: под углом ровно сорок пять градусов, с отступом от акромиального конца ключицы девять миллиметров. Это не рука самоучки. Это либо хирург, либо кто-то, кто часами тренировался на муляжах.

— Убийца превзошёл учителя, — бормочет она себе под нос.

Она берёт маркер и пишет на флипчарте:

«Отличия копии от оригинала Фантома:

— Техника разреза — улучшена.

— Поза жертвы — более симметрична.

— Время ожидания на месте — дольше (окурики).

— Контроль пространства — усилен (потолок).

— Вывод: убийца — не фанат, а ученик, который стал лучше учителя. Имеет медицинские знания или соответствующую подготовку. Эмоционально холоден. Не садист — это важно, потому что садист причиняет боль ради удовольствия; этот причиняет боль как средство достижения идеала».

Она смотрит на вывод и чувствует, как холодок ползёт по позвоночнику. Это холодок узнавания. Потому что она уже видела такой почерк. Не в делах «Фантома» — в другом деле. Деле о пропавших без вести студентках медицинского университета пять лет назад. То дело

закрыли за отсутствием состава преступления — все студентки нашлись живыми, но травмированными, с амнезией.

Саша тогда была младшим опером. Её выводы отметили как «излишне эмоциональные».

Но сейчас она вспоминает главное. У той безымянной истории, которую списали на студенческие шалости, был свой ритуал: жертвам связывали руки за спиной леской и оставляли в подвалах общежитий. Никто не пострадал. Но почерк — тот же самый. Леска. Трепетное отношение к симметрии.

«Значит, убийца эволюционировал, — думает Саша. — Он начал с игры, перешёл к угрозам, а теперь — к убийствам. И ему нужно около пяти лет на каждый этап».

Она не знает, кто он. Но она знает, что он не остановится. Потому что такие — не останавливаются. Им нужна аудитория. Им нужно признание.

Ей звонят в дверь. Это Дмитрий. Она открывает и сразу же — профессиональная привычка — сканирует его внешний вид. Кроссовки чистые (не был на улице, где грязь?). Куртка без капель (не шёл под дождём?). Рукава — закатаны. Она это нюанс запоминает, но не придаёт значения.

До завтрашнего утра, когда она найдёт на его рукаве пятно.

Глава 2. Отпечаток чужой души

Саша работает без сна. Она запирается в кабинете в восемь утра следующего дня, берёт материалы по делу «Фантома» и начинает профайлинг — не жертвы, а самого убийцы. Это её первая специализация: восстановление личности преступника по следам его присутствия. Американцы называют это «профилированием места преступления». Саша называет это «чтением души по оставленному мусору».

Она включает диктофон, надиктовывает вслух:

— Место преступления номер один. Объект: неустановленное лицо, подражающее действиям серийного убийцы по кличке «Фантом». Дата обнаружения тела: 15 октября текущего года. Анализ.

Пауза. Она подносит кружку с холодным чаем к губам, но не пьёт.

— Первое: убийца выбрал заброшенное здание, потому что ему нужен контроль. Он не рискует, не импровизирует. Каждый шаг спланирован за неделю, а возможно, и за месяц. Это исключает эмоциональный всплеск, ссору, бытовой конфликт. Убийство — хладнокровное.

Саша делает пометку на полях: «Эмоциональный тип: шизоидный или параноидный».

— Второе: леска. У Фантома леска была средством добиться контроля над телом — он зашивал раны, потому что не выносил вида открытой крови. Новый убийца перенял этот инструмент, но применяет его иначе: леска не средство, а символ. Он использует её как подпись. Это говорит о нарциссическом компоненте — он желает, чтобы его почерк узнавали.

Она откладывает ручку и встает. Ходит по кабинету — два шага туда, два обратно. Тесный кабинет площадью девять квадратных метров, но для размышлений годный.

— Третье: время. Тело пролежало двенадцать часов до обнаружения. Убийца был уверен, что его не найдут раньше. Значит, он знает расписание патрулей. Он либо сам служил, либо имеет доступ к информации через третьих лиц.

Звонок внутреннего телефона прерывает её. Полковник Знаменский:

— Черкасова, у нас морг. Второе тело. Татьяна Полякова, двадцать один год, студентка. Убита сегодня ночью.

— Где?

— Соседний район. Десять минут езды.

Саша вылетает, даже не закрыв папки.

Второе место преступления находится в подвале жилого дома на юго-западе Москвы. Дом старый, сталинский, с толстыми стенами. Подвал раньше использовался как бомбоубежище. Сейчас там хранят лыжи и старые коляски.

Тело лежит на бетонном полу, покрытом слоем газет — «Московский комсомолец» за две тысячи двадцатый год. И снова руки вытянуты, ноги сведены. Разрез на ключице — аккуратен до педантичности. Саша замечает новую деталь: леска после шва обрезана идеально ровно — она меряет длину концов: полтора сантиметра слева, полтора справа.

— Фанатик точности, — бормочет эксперт, который работает параллельно. — Такое ощущение, что он линейкой пользовался.

— Он и пользовался, — тихо отвечает Саша. — Скальпелем и линейкой.

Она обходит подвал. Жёлтый свет переносной лампы выхватывает из темноты стены — и Саша их внимательно изучает. На одной из стен — надпись. Выцарапана гвоздём или ножом, мелким, почти каллиграфическим почерком: «Мне не больно».

— Это не жертва писала, — сразу говорит она эксперту. — У жертвы перед смертью были связаны руки. Почерк уверенный, нажим сильный. Писала жертва под диктовку или убийца сам написал, имитируя почерк жертвы. Экспертиза покажет.

Но главное открытие ждёт её в углу подвала, за старым шкафом с лыжами. Там лежит медицинский журнал — обычная тетрадь в клетку, исписанная от руки. Саша надевает перчатки, аккуратно берёт её. Листы промокли от сырости, но текст читается.

Она листает. Это дневник. Не жертвы — убийцы. Как минимум, она предполагает это по первым фразам: «Третий эксперимент. Объект двадцать один год, группа крови вторая положительная, реакция на боль — средняя».

Саша чувствует, как сердце начинает биться где-то в горле. Она находит страницу, помеченную сегодняшним числом. Там запись:

«Вторая имитация прошла успешно. Объект отвечал на вопросы, но не искренне. Её ложь была видна невооружённым глазом. Интересно, как долго человек может врать, когда ему угрожают болью? Ответ: до тех пор, пока боль не превысит стыд. Я остановился на стадии, когда стыд уже ушёл. Результат зафиксирован. Следующий этап — проверка алиби».

Саша перечитывает последнюю фразу дважды. «Проверка алиби». Это не просто убийца. Это кто-то, кто проверяет чужие алиби. Кто-то, кто тестирует чужую ложь.

Как она сама.

Её передёргивает. Она закрывает дневник, кладёт в пакет для улик. Но успевает заметить на обложке маленький рисунок — схематично нарисованное ухо. Ухо с большим тщательно прорисованным завитком раковины.

Ухо — символ слуха.

— Этот убийца, — говорит Саша вслух, не обращаясь ни к кому конкретно, — слушает ложь. Он её коллекционирует. И когда слышит — убивает.

Она делает пометку в своём блокноте:

«Профиль: мужчина, возраст 35—45 лет. Высшее образование, вероятнее всего медицинское или психологическое. Имеет доступ к закрытым данным. Нарциссическое расстройство личности в сочетании с параноидными чертами. Мотивация: не сексуальная, не корыстная. Мотивация — проверка собственной способности распознавать ложь. Жертвы для него — тестовый материал. Он не садист в классическом понимании. Он исследователь, который перешёл границу».

И в этот момент её телефон (служебный, зашифрованный) выдаёт сообщение от Дмитрия: «Задержусь на работе. Не жди». Саша смотрит на время. Два часа ночи.

Её профессиональная часть шепчет: «Запроси алиби мужа за период с двенадцати до двух часов ночи». Личная часть кричит: «Заткнись».

Она не запрашивает алиби. Но в голову закрадывается первая, пока ещё крошечная, мысль: «А что, если он?..»

Мысль тут же гасится. Но осадок остаётся.

Глава 3. Молчание мужа

Дмитрий приходит домой в половине четвёртого утра. Саша не спит — сидит на кухне с нетбуком, делает вид, что переносит данные в электронную базу. На самом деле она ждёт и прислушивается к каждому шороху.

Звук ключа в замке.

Скрип двери.

Тихие шаги. Он старается идти бесшумно — это заметно по паузам между шагами. Осторожно, как вор.

Она не выходит ему навстречу, хотя её так и подмывает. Профайлеры знают: иногда лучший способ наблюдать — оставаться незамеченным. Она смотрит через щель приоткрытой двери. Дмитрий разуается. Вешает куртку на вешалку. Саша замечает рукав темно-синей толстовки. Пятно.

Не просто пятно. Тёмное, маслянистое, расположенное на внешней стороне правого рукава, чуть ниже локтя. В полутьме коридора не разобрать цвет.

Дмитрий уходит в ванну. Включает воду. Саша ждёт двадцать секунд — ровно столько, чтобы он точно разделся и залез под душ. Потом бесшумно проходит в коридор, вынимает толстовку из корзины для белья, подносит к носу.

Запах олифы. Смешанный с запахом пота и, кажется, хлорки.

Олифа. Вещество, которым пропитывают дерево перед покраской. Дмитрий работает с макетами — да, они деревянные. Но для макета нужна олифа? Или для чего-то другого? Она вспоминает место первого убийства — заброшенное здание. Там были деревянные перекрытия, старые, пропитанные чем-то маслянистым.

«Не делай этого, — говорит она себе. — Не ищи связи там, где её нет».

Но профессиональный навык сильнее. Она фотографирует пятно на телефон и возвращает толстовку на место — точно так же, как лежала. Она знает: Дмитрий заметит, если что-то будет не так. Он вообще внимателен к деталям. Архитекторская привычка.

Потом она снова садится за нетбук и открывает программу для работы с изображениями, увеличивает пятно. Да, олифа. Но рядом — ещё одно, маленькое, бурое. Она увеличивает до предела.

Бурое — это похоже на кровь. Но она не может быть уверена. Качество фото плохое, освещение в коридоре жёлтое. И всё же — похоже.

В ванной вода перестала течь.

Саша закрывает программу, открывает почтовый клиент — делает вид, что работает.

Дмитрий выходит из ванной в пижамных штанах и футболке, с мокрыми волосами. Он проходит на кухню, садится напротив, не глядя на Сашу.

— Ты не спишь, — говорит он. Это не вопрос. Констатация.

— Работа. Дело резонансное. Ты знаешь, я в комитете не для того, чтобы отбывать часы.

— Знаю.

Молчание. Тяжёлое, плотное, как свинцовое одеяло. Саша считает секунды: десять, двадцать, тридцать. Дмитрий смотрит в окно. В окне — темень, только фонарь двора отбрасывает жёлтые блики на лицо мужа. Его лицо — выражение нейтральное, но Саша знает: чересчур нейтральное. Отсутствие эмоций — тоже эмоция. Это попытка скрыть тревогу за маской спокойствия.

— Как макет? — спрашивает она. Голос ровный, в нём нет ни капли подозрения. Она владеет голосом, как хирург скальпелем.

— Продвигается.

— Заказчик доволен?

— Да.

Односложные ответы. Дмитрий всегда был немногословен, но не до такой степени. Раньше он мог рассказывать о своих проектах часами — про игру света, про тектонику объёмов, про то, как архитектура влияет на психику человека. Сейчас — максимум три слова за раз.

— Ты пахнешь олифой, — замечает Саша. Это проверка.

Дмитрий на мгновение замирает. Саша фиксирует: пауза перед ответом — две целых семь десятых секунды. Для обычного человека это незаметно. Для неё — звоночек.

— Пропитывал детали для макета, — отвечает он. — Олифа нужна, чтобы дерево не рассыхалось.

— Хорошо, что ты заботишься о качестве.

Саша встаёт, подходит к холодильнику, достаёт йогурт. Поворачивается спиной к мужу — специально. Она знает: когда она не видит его лица, он расслабляется. Она слышит — выдох. Облегчение. Он думает, что она поверила.

Она не поверила.

Потому что она заходила в его мастерскую сегодня днём. Макет был покрыт пылью. Детали для пропитки лежали в коробке нетронутые. Дмитрий не прикасался к макету три дня. Она проверила.

Он солгал. Не сказав ни слова.

Утром Саша уходит на работу раньше обычного. Она не завтракает с мужем. Говорит, что вызов. Это ложь. Ей просто невыносимо сидеть рядом с ним, слышать его ложь, завернутую в молчание, и притворяться, что ничего не происходит.

В машине, за рулём служебной «Лады», она давит на газ сильнее обычного. В голове — карусель: «Он действительно работал с олифой? Почему тогда макет не тронут? Он врёт о времени? О том, где был? У него алиби на время убийства?»

Она не знает. Она может только предполагать. И эти предположения рвут её на части, потому что она, лучший профайлер отдела, не может отличить ложь мужа от правды, потому что она слишком близка к объекту наблюдения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.